

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ: ОТ ТЕОРИИ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ

Е. С. Бородулькина

*ведущий научный сотрудник Института правовых исследований
Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
katrin.borodulkina@gmail.com*

Анализируются предпосылки формирования восстановительного правосудия в ответ на кризис традиционной модели. Рассматривается медиация как центральный элемент восстановительного подхода и риски его практической реализации. Обосновывается национально-ориентированная модель медиации как синтез зарубежного опыта с его адаптацией к белорусской правовой системе и культурным традициям.

Ключевые слова: восстановительное правосудие; медиация в уголовном процессе; восстановительная медиация; уголовно-правовой конфликт; интересы потерпевшего.

Становление медиации в уголовном процессе Беларуси – от научных дискуссий о ее допустимости до легального закрепления в УПК Республики Беларусь (далее – УПК) в 2021 г. – отражает глобальный тренд трансформации правовых систем: от монополии карательной парадигмы к плюралистическим моделям разрешения конфликтов.

«Гипертрофия» и кризис публичного начала (в постиндустриальных обществах монополия на наказание воспринималась не как защита, а как инструмент социального контроля) [1], маргинализация жертвы и низкая эффективность ресоциализации, подтверждаемая уровнем рецидива, стали катализаторами концептуального переосмысления целей уголовной юстиции.

Впервые идеи, которые близки восстановительному подходу, были отражены в работах Н. Кристи (Nils Christie). Его статья «Конфликт как собственность» (1977) стала прорывной в этом направлении [2]. Н. Кристи сделал акцент на том, что происходит с конфликтом в современном обществе, продемонстрировав, как профессиональная система уголовного правосудия (юристы, судьи, прокуроры и др.) фактически «присвоила» конфликт у его реальных владельцев: жертвы и преступника. Государство лишило непосредственных участников возможности самим разобраться в случившемся, выразить свои чувства, найти путь к разрешению ситуации. Конфликт стал собственностью профессионалов, которые управляют им в своих интересах. Н. Кристи видел в этом потерю возможностей для подлинного примирения и исцеления. Его критика подготовила почву для идей восстановительного правосудия, выявив системную проблему, которую оно призвано решить – возвращение конфликта и контроля над его разрешением тем, кого он непосредственно касается.

Главным теоретиком и основоположником концепции восстановительного подхода является Х. Зер (Howard Zehr). В работе ученого «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» (1990) [3] был предложен принципиально

иной взгляд на правосудие. Х. Зер по-новому интерпретировал онтологию преступления: не как нарушение абстрактной нормы, а как причинение вреда конкретным социальным связям. Это сместило фокус с вопроса «Какое наказание заслужил нарушитель?» на «Какой вред причинен?», «Кто ответственен за его устранение?» и «Каким образом восстановить нарушенные отношения?».

По мнению сторонников восстановительной модели, достижение целей, стоящих перед правосудием, требовало другого уровня вовлеченности сторон, который был невозможен в рамках «пассивного» отбывания наказания. Ключевая задача данной парадигмы заключается в трансформации характера взаимодействия между участниками конфликта с переходом к подлинно субъект-субъектным отношениям, где каждый индивид признается автономной личностью, способной к осознанной ответственности и диалогу [4, с. 21]. Необходимым условием разрешения кризисной ситуации становится непосредственное взаимодействие самих сторон и совместное конструирование ими путей заглаживания вреда.

При этом восстановительное правосудие предложило не только философию, но и практический метод возвращения конфликта его подлинным «владельцам» и восстановления нарушенных связей. Ключевым инструментом «операционализации» этих принципов в уголовном процессе стала медиация как центральный элемент восстановительного подхода к правосудию [5]. Сообщество может выступать не только абстрактным «бенефициаром» государственной политики, но и активным субъектом, принимающим непосредственное участие в разрешении конфликта (в медиации сообщество в лице медиатора помогает жертве восстановить чувство безопасности и достоинства, правонарушителю – осознать последствия действий и реинтегрироваться, а социуму – исцелить отношения). То есть роль медиации нельзя свести к технике переговоров, она выступает структурированным процессом фасилитации диалога между потерпевшим и преступником, направленным на совместный поиск путей заглаживания вреда и восстановления отношений.

Институт медиации, зародившийся в 1970-х гг. в Северной Америке и Европе и развивавшийся параллельно с теорией восстановительного правосудия, впоследствии был воспринят и рядом стран постсоветского пространства (медиация как способ урегулирования уголовно-правовых конфликтов появилась в Казахстане в 2011 г., в Кыргызстане в 2017 г.). В нашем государстве институт медиации получил законодательное закрепление в Законе Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации», а его внедрение в уголовно-правовую сферу состоялось с внесением изменений и дополнений в УПК Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. №112-3: появилась возможность примирения путем заключения медиативного соглашения (ст. 301 УПК), а также дано определение медиации, медиатора и медиативного соглашения применительно к данной сфере (ст. 6).

Взвешенный подход к заимствованию институтов иностранного права, внедрение новых и трансформация традиционных правовых институтов (п.26.1 Концепции правовой политики), обозначенный как положительная тенденция национальной правовой системы, требует дополнительного обоснования внедрения «западной» модели медиации.

При этом важно отметить, что исторические корни восстановительных практик уходят в традиционные механизмы разрешения конфликтов, универсальные для различных культур. Например, в Беларуси, исторически сформировавшейся на перекрестке культурных влияний, традиции взаимопомощи («талака», «суседская дапамога») и религиозной

терпимости [6], создают социокультурный контекст для консенсусных форм урегулирования споров. Этот вывод подкрепляется и базовыми ментальными характеристиками белорусов – толерантностью, миролюбием и коллективизмом [7, с. 92–93]. Л. М. Карнозова справедливо отмечает близость принципов «restorative justice» традиционным механизмам социального регулирования, где аксиологическим ядром выступало восстановление нарушенного консенсуса через диалог и реституцию [8].

Обозначенное позволяет обосновать методологическую и ценностную основу медиации как национально-ориентированной модели, органично встраиваемой в сложившийся механизм уголовного судопроизводства. При этом полагаем, что позиционирование медиации с учетом ее глубокой созвучности традиционным белорусским подходам к восстановлению мира и справедливости может поспособствовать усилению ее легитимности в общественном сознании и лучшему восприятию социумом.

Несмотря на очевидный гуманистический потенциал восстановительного подхода, в литературе отмечается, что «многие правоприменители отрицательно относятся к восстановительной медиации, основываясь на принципе публичности (ст. 15 УПК) и уголовно-правовом принципе неотвратимости ответственности. Именно в наказании и иных мерах ответственности государство видит главный и эффективный по его мнению механизм противодействия преступности» [9, с. 49].

Есть риски и на стадии практической реализации медиации в уголовном процессе. Во-первых, это «формализация процедуры», когда весь процесс может быть сведен к документальному оформлению примирения без достижения диалога, что дискредитирует сущность подхода, превращая его в механическую процедуру. Во-вторых, возможное косвенное давление на обвиняемого, когда перспектива освобождения от уголовной ответственности будет восприниматься как единственная возможность избегания более строгого наказания. Это может вызывать сомнения в добровольности участия обвиняемого. В-третьих, это угроза вторичной травматизации потерпевшего, когда недостаточная подготовка медиаторов к работе с психологическими последствиями преступления может усугубить травму.

В целях недопущения названных рисков требуется дальнейшее развитие положений УПК о медиации. В настоящее время нормы, закрепившие возможность применения процедуры, носят преимущественно рамочный характер: «не определен статус медиатора, порядок реализации процессуальных гарантий прав личности при применении медиации, остаются не решенными вопросы приостановления производства по делу для проведения медиации» [9, с. 49], «законодательно не определены правила проведения медиации по уголовно-правовым конфликтам» [10, с. 75], недостаточно детализирована сама процедура медиации, возможность оспаривания медиативного соглашения и прочие вопросы, создающие правовую неопределенность и возможность излишне широкого усмотрения.

Таким образом, конструирование национально-ориентированной модели медиации предполагает синтез зарубежного опыта с его адаптацией к белорусской правовой системе и культурным традициям. Дальнейшая институционализация требует детальной регламентации процедуры и обеспечения процессуальных гарантий ее участников, а также формирования специализированной инфраструктуры, включая подготовку высококомпетентных медиаторов в сфере уголовной юстиции.

Библиографический список

1. Zysberg, A. Michel Foucault, Surveiller et punir. Naissance de la prison [compte-rendu] / A. Zysberg // *Annales. Histoire, Sciences Sociales.* – 1976. – Vol. 31, № 1. – P. 168–175. – URL: https://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1976_num_31_1_293703_t1_0168_0000_002 (date of access: 22.06.2025).
2. Christie, N. Conflicts as Property / N. Christie // *The British Journal of Criminology.* – 1977. – Vol. 17, № 1. – P. 1-15. – URL: https://www.kuleuven.be/thomas/uploads/file/hoger_onderwijs/modules/Christie_Conflicts%20as%20Property.pdf (date of access: 26.05.2025).
3. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / Х. Зер ; общ. ред. Л. М. Карнозовой ; коммент. Л. М. Карнозовой, С. А. Пашина. – М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
4. Адмиральская, И. С. Участие волонтеров в работе с несовершеннолетними правонарушителями в рамках программ восстановительного правосудия : методическое пособие / И. С. Адмиральская, Н. А. Йошпа, А. Л. Шиловская. – М. : Ин-т права и публичной политики, 2011. – 96 с.
5. Зайцева, Л. Л. Восстановительное правосудие – альтернатива уголовному преследованию [Электронный ресурс] / Л. Л. Зайцева // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – URL: <http://www.lawinstitute.bsui.by/upload/image/Biblio/zaitceva/15.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).
6. Ученые нашли истоки толерантности белорусов [Электронный ресурс] / СБ. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/ne-v-vere-delo.html> (дата обращения: 20.05.2025).
7. Демидова, И. А. Правоментальная характеристика белорусского общества / И. А. Демидова // *Вест. Сибирск. юрид. ин-та МВД России.* – 2019. – № 2 (35). – С. 88–96.
8. Карнозова, Л. М. Восстановительная медиация: базовые идеи и направления развития (заметки к обсуждению темы) [Электронный ресурс] / Л. М. Карнозова // *Вестн. восстановительной юстиции.* – 2010. – № 7. – С. 18–28.
9. Петрова, О. В. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь как новая форма защиты прав личности / О. В. Петрова // *Вестн. науки и образования.* – 2021. – № 16-1 (119). – С. 48–50.
10. Петрова, О. В. Восстановительное правосудие на стадии исполнения приговора / О. В. Петрова, В. И. Самарин // *Право.by.* – 2024. – № 1(87). – С. 69–77.